

К Р О К О Д И Л

Рис. В. ПРОРОВОА

— ...и прискакал, значит, в эту самую деревню не Конёк-горбунок,
не Иван-царевич на сером волке, а сам председатель райисполкома...
— Ну, бабушка, это ты уж сказки рассказываешь!

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ об одной странной игре

КАК нелепо прозвучало бы хвастливое заявление заведующего больницей о том, что благодаря его неусышным заботам средняя температура больных во вверенном ему учреждении снизилась примерно до 37 градусов!

— Дорогие товарищи! — сказал бы такой лихой администратор. — Конечно, в моей больнице, не отрицаю, ещё имеются на сегодняшний день элементы, не вылезавшие из температуры в 39 и даже 40 градусов, но зато по линии передовой части больных мы должны прямо сказать, что добились иных показателей — 35 тире 36 градусов, так что ежели вывести среднюю цифру, то...

В студёную зимнюю пору, когда улицей безраздельно завладел жестокий и беспощадный мороз, мало утешил бы нас добрый совет управдома: приплюсовать к крещенским холодам июльскую жару и вывести среднюю цифру температуры, из чего и будет видно, что на отопление дома особенно налегать не следует...

Льстим себя надеждой, что ни таких лекарей, ни таких управдомов нет у нас и, к счастью, не предвидится таковых.

Но почему же кое-где на производстве странная игра в средние цифры по сей день продолжается с немеркнущим интересом и неослабным азартом? И почему не замечают всей нелепости и зловредности этой игры некоторые, казалось бы, весьма серьёзные и ответственные товарищи?

Вот почему мы вынуждены здесь сказать несколько горьких слов о весьма сладких вещах.

Есть в Москве кондитерская фабрика «Ударница». Фабрика состоит из двух основных цехов. Варенный цех выпускает варенье, джем и тому подобные яства. Мармеладный цех, как это нетрудно догадаться, производит мармелад. Цех не маленький: почти половина рабочих фабрики занята мармеладом. И вот этот цех давно хромает.

Если мы говорим о человеке, что он хромает, это отнюдь не значит, что у него повреждены обе ноги. Если он хромает только лишь на одну ногу, мы его, по всей справедливости, называем хромым.

Фабрика «Ударница» хромает на мармеладную ногу. И хотя варенная нога у неё в полном порядке, тем не менее приходится признать, что фабрика хромает.

Какой же изъян у мармеладной ноги? Она страдает сахарной болезнью.

Конкретно: за истекший год цех перерасходовал свыше 51 тонны сахара.

Глагол «перерасходовал» звучит здесь мягко и неопределённо. Точнее следовало бы сказать: «разбазарил».

Потери в цехе упорно растут: в декабре

они увеличились по сравнению с ноябрём в двадцать девять раз!

В Облищепроме пришли в смятение от этой цифры. Тотчас же был издан приказ:

«Предупредить тов. Шустрову (директор фабрики), тов. Хацкевича (гл. инженер) и тов. Коломенскую (нач. мармеладного цеха), что если немедленно не будут прекращены сверхнормативные потери по мармеладному цеху, это будет рассматриваться Мособлищепромом, как разбазаривание сырья с вытекающей отсюда передачей дела в суд».

Тёмная туча покрыла мармеладный горизонт. На фабрике настали дни тревоги и волнений. Вот-вот придёт курьер и принесёт грозную повестку из суда...

Тревожно скрипнула дверь кабинета директора: он пришёл — этот неумолимый курьер. В его руках пакет!

Дрожащими пальцами директор вскрывает этот пахнущий колом конверт. Что такое? В чём дело? Вот те на!

Тёмная туча, чувствуя себя виноватой, быстро скрывается с горизонта. Улыбается Шустров. Смеётся Хацкевич. Заливается Коломенская. Сияют мармеладины.

Оказывается, этот пакет не из суда, а из министерства. Там за плохую работу вынесли фабрике другой приговор.

По настоянию заместителя министра пищевой промышленности РСФСР тов. Нестеревича и председателя обкома союза кондитеров тов. Клаповского фабрике «Ударница» присуждена премия «как победителю в социалистическом соревновании».

Выходит, что «победитель» прискакал на одной ножке к финишу. Помогла варенная нога.

Всыпали в одну ступку плюсы варенного цеха и минусы мармеладного. Смешали, подсыпали щепотку очковтирательской паточки — и получилась сладенькая средняя цифра...

Вот и всё. Этот частный случай с «Ударницей» не имел бы, может быть, большого значения, если бы мы не знали, что такое мармеладное отношение к выдачам премии наблюдается и в других отраслях нашего хозяйства.

То и дело за широкой спиной стахановца прячется бездельник. То и дело в отстающем цехе весело кричат: «Мы пахали!» Вывезет передовой цех. Вывезет «средняя цифра», красиво выведенная в заводской конторе.

Вот и получается, что порой неизвестно, кто здоров и кто болен: лекари и подлекари хвастают средней температурой.

Г. РЫКЛИН

...деньги, которые сильно пахнут.

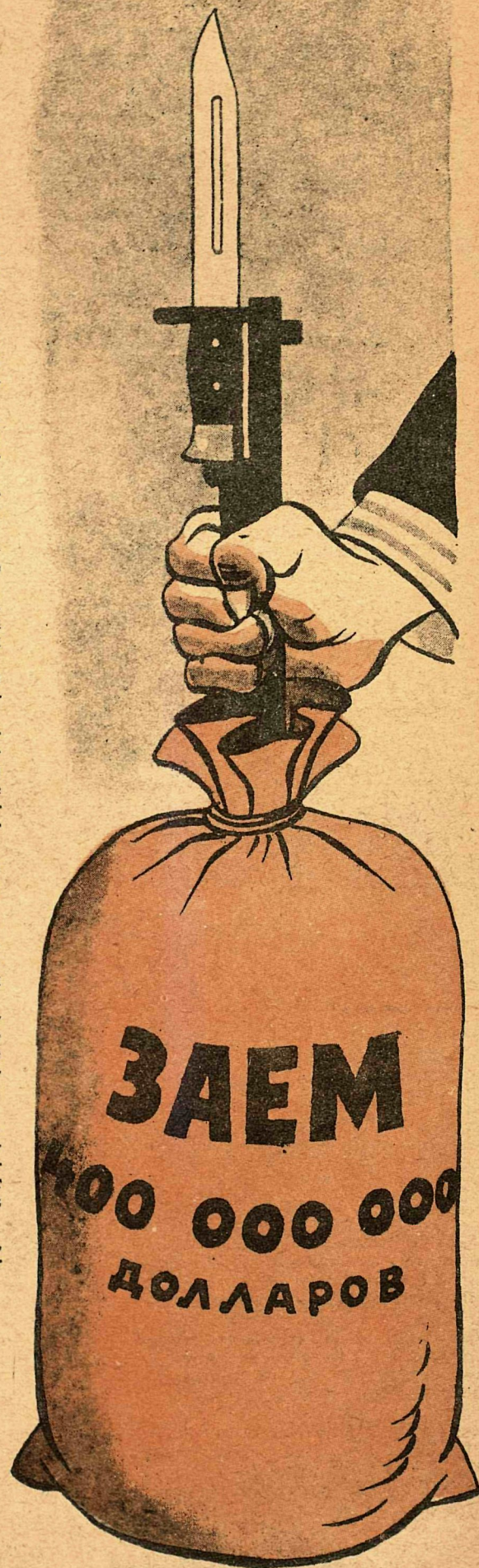

Рис. Бор. ЕФИМОВА

— Гадалка предсказала моему мужу, что его ждёт казённый дом. Неизвестно только, будет ли это дача за казённый счёт или же его посадят за постройку дачи на казённый счёт.

В. ГРАНОВ

ЗЕЛЕНЫЙ ШУМ

(ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЕ СТИХИ)

Апрель. Цвети ещё не время вишням,
Ещё листвою не оделся клён...
Но тем не менее не будет лишним
Навеянный апрелем фельетон.

Для парка предназначенный участок
И вдоль и ширию крапивою зарос.
Красуются следы визитов частых
Воистину неисправимых коз.

Ни деревца, ни корешка, ни ветки
(Для вида хоть какой-нибудь сучок!),
Качался на ветру заборчик ветхий,
И тот разнёс взъярившийся бычок...

Но — чу! Наполнен медью день весенний.
Гремят оркестры. Действует баян.
Бравурный «Марш зелёных насаждений»
Исполнил джаз, весельем обуян.

Теплом душа оратора согрета,
Он произносит речь не наобум:
«Друзья! Как говорится у поэта,
Идёт, бредёт, гудёт зелёный шум!

Дабы цвести привольно было розам,
Монументальный возведём забор:
Пусть высится на страх нахальным козам,
Упрятому бычку наперекор!»

Окончен праздник. Отгремели трубы.
И вот недели пронесли бегом.
По парку прогуляться поутру бы,
Озоном подышать бы вечерком!

Да где там! Сохраняя те же позы,
На смятых клумбах обретая уют
(Читатель ждёт знакомой рифмы — козы!),
Ну да,— и козы и бычок жуют...

А что же дальше? Круг определённый:
Придёт весна. И снова грянет медь,
Пройдут озеленителей колонны,
И вновь начнут ораторы шуметь.

Всю важность насаждений осознают,
Цитату приведут не с кондачка...
...И впрямь зелёный шум напоминает
Старинный сказ про белого бычка.

ОТРЫВКИ ИЗ НЕНАПИСАННОГО

Она признавала лекарства только с латинскими названиями, в русском переводе они на неё не действовали.

Тёплый рассказик. Подогретая вчерашняя литература.

Слово — не воробей, но и оно бывает сереньким.

Скульптор увековечил свою ошибку в мраморе.

С ним обращались, как с запасным колесом автомобиля: считали необходимым, но держали позади.

Копчёная рыба по воде не тоскует.

Ребята рассматривали зверей в зоопарке, как иллюстрации к басням.

Пуговица жаловалась:
— Хоть в петлю полезай!

М. ЯКОВЛЕВ

КАЖДЫЙ человек, повелевающий мощной и капризной техникой, вызывает у меня чувство почтительного удивления.

Вдруг гаснет электричество. Веснушчатый паренёк из соседней квартиры, приставив к стене лестницу, лезет под потолок и оттуда небрежно бросает:

— Дело — дрянь, товарищи! Должно быть, в трансформаторной замкнулось...

И я замираю от страха перед таинственной мистерией техники.

Потом портится телефон. Приходит пожилой медлительный монтер и, не отвечая на наши тревожные вопросы, как бы сообщая вслух:

— Аппарат в порядке. Разве на линии что? Тогда к вечеру, пожалуй, исправим. А если в распределительном щите или, не дай бог, с кабелем...

И он безнадежно машет рукой.

И всё же ни этот юный веснушчатый Эдисон, ни монтер с телефонной станции, одним движением могущий выключить вас из сети, — никто никогда не внушал мне такого, почти священного трепета, который сумел внушить Филипп Петрович — старший истопник нашего дома.

До знакомства с Филиппом Петровичем у меня были совершенно обывательские представления об отопительной системе.

Я думал, что если есть уголь, а трубы и котлы в исправности, то надо топить и будет тепло. Так дикарь, незнакомый с астрономией, наивно верует в то, что солнце существует только для обогрева земли.

Первый раз я увидел нового истопника ещё летом. Во дворе сгружали уголь. Филипп Петрович стоял в стороне и скручивал цыгарку. Я подошёл и предложил ему папиросу.

— Много угля завезли? — осведомился я.

— Возют... — неопределённо констатировал старший истопник, закуривая.

— Уголь, кажется, хороший? Донецкий?

Он покосился в сторону чёрных поблескивающих холмов, сплюнул и наставительно сказал:

— Всякий уголь будет хорош, коли его шуровать. А коли не шуровать, так всякий плох.

— Однако надо надеяться, эту зиму у нас всё-таки будет тепло? — напирал я.

— Коли шуровать станем, — будет тепло. А коли не шуровать, — не будет тепла.

Знакомое чувство почтительного удивления перед тайнами техники охватило меня. И я поспешил ретироваться.

Наступил отопительный сезон. Морозов ещё не было, а стояли гнилые, кислые гриппозные дни. Радиаторы в нашей квартире были безжизненны, как тело мраморной Венеры.

Повидимому, Филипп Петрович ещё не шуровал.

Но вот как-то в трубах вдруг зажурчала вода. Нам, истомившимся в сырости, эти звуки показались мелодичней музыки Чайковского. В предчувствии наступающего тепла я даже на ночь укрылся полегче и к утру совершенно очокевал.

Радиаторы больше не журчали.

Встретив во дворе Филиппа Петровича, который, стоя у угольных холмов, распекал своего заместителя — мальчугана лет четырнадцати с феноменально грязным носом, — я начал издали:

— Что это вчера в трубах шумело? Воду наливали? Топить собираетесь?

В маленьких, сонных глазках старшего истопника мелькнуло презрение.

— Это я систему спускал, — сообщил он.

— За... зачем?

— Как зачем? А вдруг ночью мороз вдарил бы?

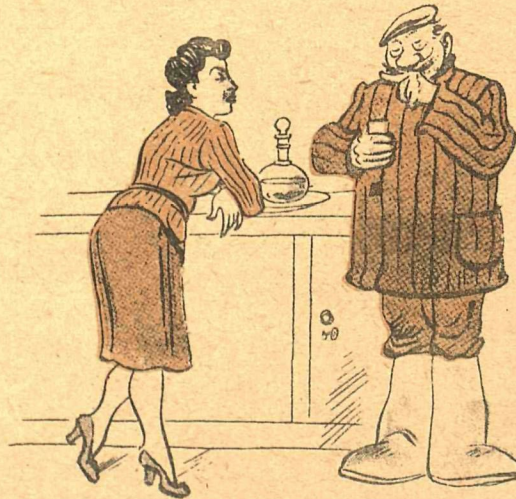
— Ну?

Снова в маленьких глазках истопника мелькнуло презрение:

— А если бы мороз вдарил, тогда вся система — тью-тью! Всё позамерзло и полопалось бы. Понял? Систему беречь надо. Это штука хрупкая.

Я хотел сказать, что и человек — штука хрупкая. И если бы ночью «вдарил» мороз, то моя собственная система тоже, возможно, тью-тью. Но почтительное удивление перед капризами техники вовремя остановило меня.

И всё-таки отопительный сезон в конце концов захватил и наш дом. Мёртвые радиаторы ожили, и в них появилась этакая

гриятная, обнадеживающая тепловатость. Правда, дальше обнадеживания дело не пошло, и батареи излучали тепловую энергию с той же мощью, с какой её излучает парное молоко.

Наконец я не выдержал, позвонил в домоуправление, потребовал Филиппа Петровича и заявил, что у нас холодно.

— Не должно быть, — веско ответил он. — Топют. Градус в котле правильный.

— Но, честное слово, холодно!
— Ладно, — недовольно буркнул старший истопник. — Зайду.

Когда Филипп Петрович шёл по коридору, оставляя на полу большие грязные следы, вид у него был сосредоточенный и значительный, как у знаменитого профессора, вызванного на консилиум.

— Батареи правильные, — сказал он, щупая огромной рукой совершенно холодный радиатор. — В самый раз.

— Мне кажется, вы ошибаетесь, — робко заикнулся я.

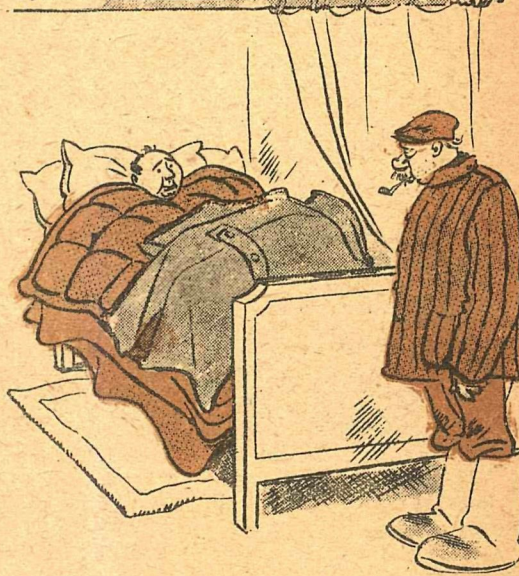
— Правильные батареи, — повторил старший истопник. — В самый раз.

Не знаю, чем окончился бы этот визит, если бы не жена. Опытный психолог и знаток дворничко-истопничкой души, она сжала губы и, махнув рукой на уголовный и нравственный кодексы, достала из буфета графин водки, настоянной на апельсиновых корках.

Один вид этой желтоватой жидкости оказал сильное влияние и на настроение Филиппа Петровича и на состояние отопительной системы.

Старший истопник ловко опрокинул стопочку, вытер махорочные усы, поблагодарил и ещё раз пощупал радиатор.

— Да-а, пожалуй, котёл действительно немного опустили, — согласился он. — Шуровать надо. Коли не шуровать, — тепла не будет.

— А вы пошуруйте, — посоветовала жена, наливая ещё стопочку.

— Шуруй не шуруй, а когда пылью топишь, какой уж тут толк!

— Почему пылью? — испугался я. — Разве нет крупного угля? Ведь всё лето возили!

— Крупный есть, но такой уж порядок, что сначала надо пылью закладывать... Ну, ладно, раз у вас тут больные да дети, сейчас крупным заложим. К обеду тепло будет.

— Будет?

— Обязательно. Раз крупным заложим, — он своё возьмёт. К вечеру жарко станет. Форточки откроете.

К вечеру жарко не стало, а утром действительно можно уже было открыть форточки, поскольку температура в комнатах почти сравнялась с температурой на улице.

С воплем я ринулся в котельную: — Филипп Петрович! Филипп Петрович! Холодно!

У старшего истопника был такой вид, точно он и не ожидал другого сообщения:

— А с чего бы это теплу быть?

— Как с чего? Вы же обещали заложить крупным?

— Обещал.

— Ну?

Филипп Петрович презрительно усмехнулся:

— А колосники чистить надо?

От этого нового удара я даже присел на какое-то грязное ведро. Начался следующий акт технической мистерии. Боже, боже, что же ещё таила в себе капризная отопительная техника!

Старший истопник сжался:

— А вы не расстраивайтесь: сейчас начинаем топить. Уже закладываем.

— Только умоляю вас, Филипп Петрович, заложите крупным.

— Ну, а чем ещё — не пылью же? — усмехнулся старший истопник. — К обеду нагреем. Крупный — он своё возьмёт.

Снова в трубах зажурчала вода, но это журчание уже не казалось мелодией Чайковского. Снова радиаторы проявили тенденцию к потеплению, но эта тенденция осталась только тенденцией, даже не вызвав никаких надежд.

Старший истопник сам явился проверить температуру в нашей квартире.

— Холодно, — робко пожаловался я, выглядывая из-под трёх одеял.

— Не должно быть. Топют. Градус в котле правильный.

Он пощупал батарею и уже хотел, видимо, заявить, что температура «в самый раз», но появление знакомого графина с апельсиновыми корками резко изменило его намерения:

— Да-а... Ишь, черти, опустили котёл! Шуровать надо. Коли не шуровать, — тепла не будет.

— Господи, так шуруйте же наконец! — застонала жена.

— Шуруй, не шуруй, а когда пылью топишь...

Мы остолбенели:

— Как пылью? Вы же сказали, что крупным заложите?!

— Сказал.

— Ну?

Филипп Петрович развёл руками:

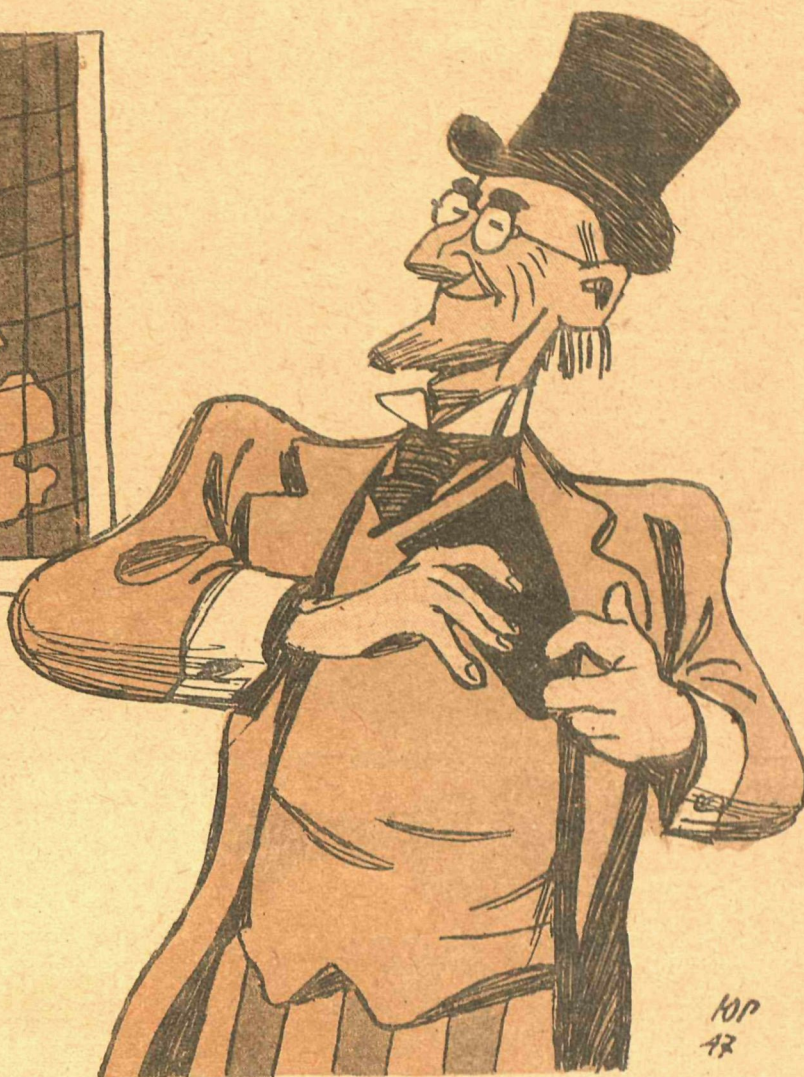
— Такой уж порядок, что сначала надо пылью закладывать... А вот колосники почистим, крупным заложим, тогда будет тепло. Крупный своё возьмёт...

Поздно вечером, когда все уже спали, раздался телефонный звонок. Голос старшего истопника сказал в трубку:

— Граждане, вы там на счёт батарей не беспокойтесь. Я сейчас систему спускаю. Боюсь, что ночью мороз вдарит...

* * *

Товарищи, не знаете ли вы, кто меняет квартиру с голландским отоплением?

ЮР
42

— Любопытно, сколько может стоить этот подержанный остров?..

УЧЕНЬЕ — СВЕТ

Недавно в Сергачском педагогическом училище (Горьковская область) был проведён очень интересный семинар по физике. Под руководством самого заведующего местной электрической станцией Морозова учащиеся ознакомились с одним из важнейших разделов физики — электричеством.

В первую очередь слушатели семинара узнали, что ни одна электростанция не может функционировать без горючего. Чтобы доказать данное положение, Морозов приказал лишить света педагогическое училище, мотивируя это тем, что на вверенную ему электростанцию необходимо срочно доставить горючее и этим почему-то должно заняться педагогическое училище.

В течение недели не было занятий во второй смене из-за отсутствия света. Он появился лишь после того, как училище вынуждено было организовать доставку горючего.

Так, на практике, Морозов познакомил педагогическое училище с некоторыми свойствами электрической энергии.

ДОБРОДЕТЕЛЬНЫЕ ВОЛКИ

Если верить И. А. Крылову, волк — хищный и враждебный человеку зверь. О нём в одной из своих басен Крылов писал:

«Волк из лесу в деревню забежал,
Не в гости, но живот спасая;
За шкуру он свою дрожал:
Охотники за ним гнались и гончих стая...»

Ныне волки стали иными. От охотников они больше уж не бегают, за свою шкуру не дрожат, а, напротив, сами несут и сдают её в контору «Заготживсырьё».

Кто не верит этому, пусть прочтёт газету «Колгоспний шлях» (Володарский район, Сталинской области) за 14 января 1947 года.

Из этой газеты он узнает, что охотники Володарского района продали конторе «Заготживсырьё» «6 тысяч шкурок от зайцев и сотни пушнин (!) от лисец» и что «несколько шкур поступило от волков и другого хищного зверя».

Кому ж теперь верить: старому баснописцу или редактору газеты «Колгоспний шлях» тов. И. Канкину?

ПРИНИМАЯ ВО ВНИМАНИЕ

В затихшем зале судья торжественным голосом объявляет приговор:

— Виновен, но заслуживает снисхождения, принимая во внимание...

То-то и важно, что именно «принять во внимание». В уголовно-процессуальном кодексе точно оговорено, что и в каких случаях следует принять во внимание.

Камбарский судья из Удмуртской АССР тов. Малкова внесла поправку в кодекс. Недавно она рассматривала дело о краже на Камбарском машиностроительном заводе.

В заводской склад проникли воры и унесли ценные вещи. Воры были пойманы с поличным. Слово за народным судьёй тов. Малковой:

— Принимая во внимание, что кража совершена в выходной день... дело прекратить.

Есть все основания полагать, что свой приговор тов. Малкова вынесла тоже в выходной день. Так что, принимая во внимание это обстоятельство, упрекать её за прекращение судебного дела о ворах нечего.

ЕЛКИ - ПАЛКИ

Существует такое почтенное учреждение — Главлесоохрана. Самое название показывает, что оно призвано охранять лесные насаждения. У нас нет никаких оснований полагать, что этим Главлесоохрана не занимается. Наоборот, она готова взять под защиту даже несуществующие древонасаждения. Например в Крыму, как пишет в редакцию начальник отдела охраны леса Крымского управления лесоохраны и лесонасаждений, днём с огнём не найдёшь ни одной ёлки. Отродясь они там не росли. Между тем Главлесоохрана в порыве рвения заслала именно в Крым несколько десятков плакатов по уходу за еловыми насаждениями.

Ну, там посмотрели на эти плакаты, повесили их на стены и тем самым обогатили флору Крыма еловыми насаждениями, дабы не вводить в конфуз Главлесоохрану.

У нас в семье — сплошная драма!
Варить обед не хочет мама:
Она по горло занята
Трёхактной драмой «Ах, плита!»

Мой папа в тресте, среди занятий,
Сварганил драмку «Труд некстати».
И говорят, что потому
Объявлен выговор ему.

Сестра и брат? За
За драму «Любоку у
Драматургии тяжко
Им привлекательные

Вл. МАСС и Мих. ЧЕРВИНСКИЙ

Что давно уже не в моде,
Может модным стать опять,
Так что моде, как погоде,
Неразумно доверять.
Тут порою не до смеха.
Что есть мода? — вот вопрос.

Раз из города приехал
Паренёк в родной колхоз.
Разодет, как на картинке:
В виде двух колёс очки,
Светложёлтые ботинки,
Тёмнокрасные носки.
Галстук — беж, рубашка — в клетку,
Голубой пиджак на нём,
Серо-бурая жилетка,
Шляпа — кофе с молоком.
На руке часы с браслетом.
Через руку макинтош.
Замечательно одет он,
Удивительно хорош!

Прямо ахнули девчата,
У парней восторг в глазах:
— Ах, шикарно, ах, богато!
Ах, да ох, да ох, да ах!
Рассмотреть спешат поближе:
Что за роскошь? Что за шик?
— Это сделано в Париже,
Тут вот лондонский ярлык.
Это вот и это вместе

Приобрёл я в Бухаресте,
А жилетку и ботинки
Я наднях купил на рынке,
Очень в них меня привлёк
Итальянский ярлычок.
Так стоит он, горд и важен,
У народа на виду.
Плечи — в сажень,

весь разряжен,
Точно птица какаду.
Он с ребятами гуляет,
Так сказать, не дует в ус
И тихонько напекает
То ли «танго», то ли «блюз».

Вдруг совсем неожиданный случай:
Грянул гром, свиреп и зол,
Появилась в небе туча,
И из тучи дождь пошёл.
Хлынул сразу, без запинки,
Всё готовый затопить.
Светложёлтые ботинки
Попросили сразу пить.

Он попал случайно в лужу
И заплакал от тоски:
Мрачно вылезли наружу
Тёмнокрасные носки.
Расползлась рубашка в клетку,
Превратился галстук в хлам.
На глазах у всех жилетка
Расползается по швам.

Парень близок к катастрофе,
Льётся краска с пиджака,
Шляпа стала цвета кофе,
Но совсем без молока.
Макинтош к чертям годится,
Он, как тряпка, весь измят.
Всё ползёт, бежит, садится,
Лишь одни часы стоят.
Словом, выглядит он жутко,
Так, как кто-то описал:
«Шёл по улице малютка,
Посинел и весь дрожал!»

Оказалось, из бумаги
Всё, что сделано в Гааге,
Расползлись в один момент
Вещи с маркой «Ньюфаундленд».
Голубое стало рыжим,
Стали все цвета линять.
Плащ из города Парижа
Стал мгновенно промокать.

Парню, видимо, всучили
Вещи в самом модном стиле
Но со стилями морока,
Распознать их нелегко.
Все мы знаем стиль «барокко»,
Стиль «ампир» и «рококо»,
Ну, а нынешние стили

Мы пока не изучили,
И в России этот стиль
Называем мы «утиль».
Мы об этом рассказали
Не для простенькой морали:
Дескать, то, что за границей,
Не всегда для нас годится.
Нет, совсем не в этом суть,
Нужно глубже заглянуть.
Мы теперь узнали лично
Цену вещи заграничной.
Откровенно, без придирки,
Можно так о ней сказать:
Хороша до первой стирки,
А потом начнёт линять.
И «свобода» их печати —
Тоже нечто вроде платья:
Речи — яркие, фразы — броски,
А присмотришься к статьям —
Не выдерживают носки,
Расползаются по швам.
В декларациях отвага,
Импонирующий тон,
А присмотришься — бумага,
В лучшем случае — картон.
И недаром мы всё чаще
Убеждаемся сейчас:
Даже сахар русский слаще,
И табак вкусней у нас.
Крепче нашей водки нету,
Лучше хлеба не найдёшь,
Поищи, поди, по свету
Ты ещё такую розь!
И ботинок русский тоже
Сам о многом говорит,
Если он из русской кожи,
Если он по-русски шит.

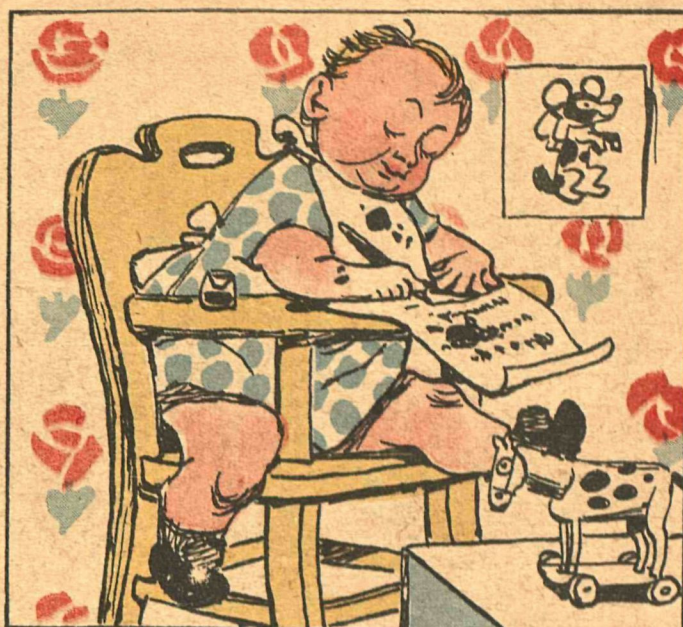
Если шуба из Калуги, —
Значит, ей нестрашны вьюги;
Если вещь из Ленинграда, —
Значит, сделана как надо,
Значит, годы нестрашны ей.
Нестрашны ни град, ни снег;
Если сделано в России, —
Значит, сделано навек.
Не везде ведь так бывает,
Чтобы всем ветрам назло.
Если шерсть, — так согревает,
Если шуба, — в ней тепло.
Если сшито, — значит, прочно,
Если сбито, — навсегда.
Если слово, — значит, точно,
Нет, так нет, а да, так да!

Если оба
учёба.
ий груз;
й, чем вуз.

И даже бабка не стерпела
(Сидеть не хочется без дела!) —
И пишет драму «Время лет»
На данный дедушкой сюжет.

Ужель я хуже, чем другие?
Я новичок в драматургии.
Но — да поможет малышу
Драматургическая муза! —
Я тоже, кажется, для Тюза
Две — три детдрамки напишу!

ОДНАЖДЫ...

КОНТРОЛЕР МОГЭСА В ТЕАТРЕ ИМЕНИ ВАХТАНГОВА

Рис. Вор. ЕФИМОВА

ДОБРОДУШНЫЙ ФЕРМЕР

Однажды лорд Галифакс, бывший британский посол в США, во время своей поездки по Соединённым Штатам выступил на митинге в одном городке. После его выступления к нему подошёл пожилой фермер и сказал, что лорд своей речью сделал очень много для понимания американцами англичан. Галифакс поблагодарил фермера и спросил, почему тот так думает.

— С удовольствием объясню, — ответил фермер. — Перед тем как услышать вас, мы боялись англичан. Мы думали, что они умнее нас и всегда смогут легко нас обставить. Но после того, как мы вас послушали, мы этого больше не боимся.

ПРОСЬБА СВИФТА

Однажды супруга вице-короля Ирландии сказала Джонатану Свифту:

— Как хорош воздух в Ирландии!

Свифт бросился перед ней на колени и вскричал:

— Ради всего святого, сударыня, не говорите этого громко! Иначе, не дай бог, нас услышат англичане и введут ещё один налог — на воздух.

«НЕ ГОВОРИ С ТОСКОЙ»

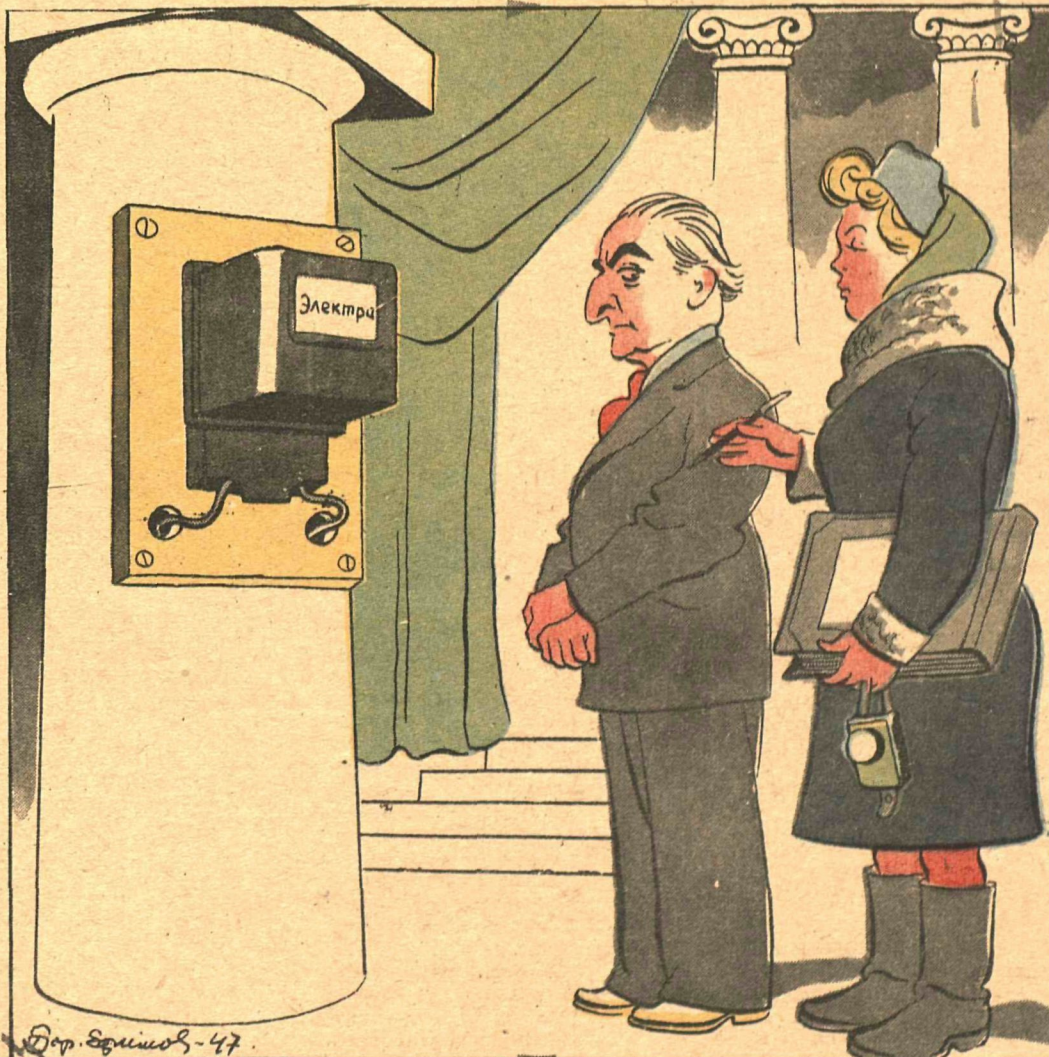
Однажды два молодых литератора избили В. П. Буренина, реакционного фельетониста газеты «Новое время», незаслуженно травившего этих литераторов в своих статьях. Встретив затем поэта Минаева, Буренин стал жаловаться на то, что молодёжь из рук вон плохо пишет.

— Так вы их проберите хорошенько! — советовал Минаев.

— Ну их, — грустно ответил Буренин, — ещё побьют пожалуй...

В ответ на это Минаев, пародируя известные стихи Жуковского, произнёс:

«Под гнётом тягостных минут,
В тисках «критических» усилий,
Не говори с тоской: побьют!
А с благодарностью: били!».

Вор. Ефимов - 47.

— Предупреждаю: у вас явный перерасход «Электра»-энергии.

Рис. К. ЕЛИСЕЕВА

— Моему Степану надоело на печке лежать.
 — Пошёл в поле работать?
 — Нет, теперь тепло стало, так он на травку полежать выходит.

Баку в Зелёной Яруге

ВЕСЕННЯЯ страда в разгаре. Тем не менее Борис Серафимович Сергунин, страстный любитель рыбной ловли, урывает часок на зорьке, чтобы подкараулить пескаря.

Тихая речушка Кривуша — в десяти шагах от пригорка, на котором размещены усадьба машинно-тракторной станции и вверенная Сергунину нефтяная база.

Тишь и благодать. Борис Серафимович как бы один на один беседует с природой. Над степью поднимается солнце. Смежив вежды, Сергунин дышит открытой прудью. Леску потянуло. Рывок — и над водой, выписывая вензеля, забился пескарь.

— Ага, попался, шельмец! — весело проговорил Борис Серафимович, снимая добычу с крючка.

Но восторженное выражение лица заведующего базой мгновенно исчезает.

Что за притча?

Чешуя рыбы была покрыта маслянистыми каплями. Перевернув глаза на воду, Борис Серафимович ошолобелся. Густые синие пятна расходились по речной глади.

Собравшись с чувствами, Сергунин впал в раздумье:

«Откуда бы это?»

Повернув нос по ветру, он различил в утренней прохладе привычный запах керосина.

— Что за оказия? — смутился заведующий нефтебазой и решил обследовать берег.

Скоро он наткнулся на источник, который стекал в речку. Запрудив его, Борис Серафимович стал ожидать, что будет дальше. Когда диковинной жидкости набралось достаточно, он вытряхнул из цыбарки пескарей и собрал её сколько было можно. Потом Сергунин зажгёт спичку и поднёс её к цыбарке. Вспыхнуло пламя.

— Чистейшей воды керосин! — воскликнул заведующий нефтебазой. — Керосиновый источник в Зелёной Яруге! Под боком у МТС!

Не чуя ног, Сергунин спешит сообщить потрясающую новость директору МТС Куликову. Выслушав запыхавшегося Сергунина, Куликов недоверчиво покачал головой:

— Больно сумнительно, Борис Серафимович.

— Иван Семёныч! Вы поглядите лично и тогда убедитесь. Речь идёт, Иван Семёныч, по крайней мере, о «Третьем Баку!» Не шуточное дело!..

Обследовав керосиновый источник, Куликов распорядился завести местным горючим трактор. Заправили, запустили мотор. Сомнения Куликова рассеялись, как дым. На радостях он обнял Сергунина и облобызал его.

— Понимаешь, что ты натворил! — вскричал Куликов. — Ведь это — мировое открытие!

Они прослезались. И директор, не сходя с места, начал фантазировать:

— Здесь будет город заложен! И слух о Зелёной Яруге пройдёт не только по нашей Курской области, но по всей Руси.

Об открытии керосинового источника Куликов решил поставить в известность районные организации, упомянув в телефонных разговорах, что данное открытие было произведено им совместно с заведующим нефтебазой.

Через час в МТС прикатил председатель райисполкома. Его быстро ввели в курс дела и, посадив на трактор, заправленный добытым из зелёнояружских недр горючим, прокатили по селу. Впечатление было потрясающим.

Будущим человеком дела, председатель райисполкома сказал:

— Дело тут ясное! Надо немедленно браться за разработку керосиновой аномалии. Самим нам этого не поднять. Необходимо срочно телеграфировать в Курск.

— Нельзя ли маленько повременить. Пётр Игнатьевич? — обратился директор к председателю райисполкома. — Сообщить и через месяц не поздно. А тем временем МТС района пополнили бы свои неприкосновенные запасы горючего.

— Будь по-твоему, — согласился председатель. А ещё через час к нефтебазе МТС подвезла подвода из тракторной бригады № 5.

— В чём дело? — спросил заведующий нефтебазой возницу.

— За горючим...

— Кириллыч! — крикнул он рабочего базы. — Подай шланг! Открыв кран одной из зарытых в землю цистерн, Сергунин смутился. Горючее не текло.

Открыли кран другой цистерны. Та же история.

Дрожащими руками Борис Серафимович снял крышку одной цистерны, взгляделся во тьму — и не поверил своим глазам. Схватив лежавшее рядом удилище, он опустил его в цистерну. Оттуда раздался глухой звук! Вынув удилище, Сергунин еле устоял на ногах: оно было сухим. Цистерна оказалась пустой. Другую цистерну уже открывал Кириллыч: у Сергунина не хватило сил. И в другой цистерне не оказалось горючего.

Короче говоря, выяснилось следующее: Сергунин зимой, перед завозом в МТС горючего, не проверил своего хозяйства и не отремонтировал тару. Цистерны проржавели, и весной, когда разморозилась земля, керосин утёк. При этом почва настолько пропиталась горючим, что начала выделять его, и в одном месте даже был зафиксирован ручей, впадающий в речку Кривушу, на берегу которой Сергунин любил подкарауливать пескаря.

У. ЖУКОВИЧ, В. ЖУРАВСКИЙ

Ироническая смесь

КТО ОН?

Дружеский шарж КУКРЫНИКСЫ

ПСИХОЛОГИЯ ТВОРЧЕСТВА

В своей квартире, данной Моссоветом,
Поэт, певец ушедшего села,
Писал стихи и параллельно с этим
Обдумывал домашние дела.
— О, Русь, люблю избушки я, в которых
Пол земляной. Земли родимей нет!
(Да, кстати, приглашу-ка полотёра,
Чтоб он натёр как следует паркет.)
Люблю я покривившиеся хатки,
За хатками далёкий горизонт...
(Со штукатуркой что-то не в порядке,
Пора б уже произвести ремонт.)
Люблю я крыши, покрытые соломой,
Я млею, только запоёт сверчок!
(Опять забыл напомнить управдому,
Что в кухне протекает потолок.)
Я обожаю свечи и лампадки,
Люблю, когда лучинушка падит.
(Ах, с этим светом вечно неполадки.
Похлопочу, чтоб дали мне лимит.)
Готов пешком пройти тебя, Россия,
По всем дорогам, не жалея сил!
(Пора в театр мне. Вызову такси я.
Как хорошо, что есть у нас такси!..)

Вот так в квартире, данной Моссоветом,
Поэт, певец деревни и села,
Писал об общем, параллельно с этим
Обдумывая личные дела.

В. БАХНОВ

ШАЛОСТИ МОЛОДОГО ПЕРА

СОСНЫ ПЛЯШУТ

Лавры Галины Морозовой, напечатанной в журнале «Октябрь» курьёзное стихотворение «Сосны», не дают покоя некоторым молодым поэтам. В том же «Октябре» (№ 1 за 1947 год) опубликовано сумбурное стихотворение Михаила Луконина «Леса». Начинается оно так:

Сосны пляшут в тиши застоялой...

А дальше встречаются ещё более удивительные вещи. В этом произведении, «Руки вскинув, выходят леса» для того, чтобы «Новых фабрик ловить голоса», «Телеграфным столбом обновиться»...

Видно по всему, что сочинял это автор, хотя и молодой, но уже достаточно, выражаясь его языком, «застоялый» на дурных поэтических образцах.

ПРОНАФТАЛИНЕННЫЕ ОБЛАКА

Литературное манерничанье и жеманство, оказывается, свойственны не только московским молодым поэтам. В ленинградском журнале «Звезда» (№ 12 за 1946 год) под рубрикой «Стихи молодых» напечатано стихотворение Николая Новосёлова «Ромашка на чужой земле», где мы читаем:

Под облаками неживыми,
Пронафталиненными впрок.

Как видите, Н. Новосёлов идёт ещё дальше М. Луконина:

Тот покарёжил только леса,
А этот стихами когтит небеса.
Бедные облака! Несчастные деревья! Чего только с ними не проделывают расшалившиеся молодые стихотворцы!

Он так уверенно выходит на экран
В одеждах всех эпох и классов:
То Полежаев он, то, смотришь, царь Иван.
И он же — Невский и... Черкасов!

Рис. Л. ВРОДАТЫ

— Еду в командировку за сушёными фруктами.
 — А разве в вашей местности свои фрукты не растут?
 — Сухие? Нет! Растут только свежие.

Знаменитый Карцев

— **ТАК** вы, значит, товарищ лектор, из самой Москвы будете, — сказал мой шофёр, улучив счастливую минуту, когда машину перестало швырять из стороны в сторону; до этого он было страшно занят: он всё время с яростью крутил баранку руля, дёргал рычаг скоростей и на каждом третьем ухабе громкозвучно поминал какого-то товарища Карцева и всех предков его. — Так вы, значит, лекции у нас читать будете... Хорошее дело. Ну, и поглядите заодно, каков наш Стерлитамак стал. Вырос город, чего и говорить, — вырос. Заводы новые понастроились и вообще. Вот только дороги у нас... О, ч-чорт, чтоб тебя разорвало!

Машина снова пошла нырять по нёмыслимым ухабам, а предки загадочного товарища Карцева тяжело заворочались в своих гробах.

— Послушайте, кто же, наконец, такой этот Карцев? — спросил я, сильно заинтригованный.

— Карцев-то? — сказал шофёр. — Карцев — у нас начальник районного дорожного отдела. Жук первостатейный, об нём весь горд говорит. Вот вы побудете тут несколько дней, — поинтересуйтесь.

И между делом, в свободные часы, я без особого труда собрал некоторые сведения об этой личности, которая является своего рода достопримечательностью города Стерлитамака.

...Василий Семёнович Карцев, глава районного дорожного отдела, — широкая натура. Захотелось ему приобрести для личного пользования мотоцикл — плати, касса, казённые деньги за удовольствие Василия

Семёныча. Возжаждала душа пересесть с мотоцикла на «зис» — гони, материальный склад, древесину и тес для товарообменной операции: продавцу — сто кубометров того и сего, Василию Семёнычу — персональная автоколесница.

И никто не перечит, никто не критикует, потому что кругом свои люди: заместителем у Василия Семёныча — его родной брат, конторщиком — дочь, для разных тонких поручений, на амлау «практиканта», — собственный племянник.

Но с некоторых пор на беспечную жизнь главы учреждения легла мрачная тень. К его великому несчастью, в славном роду Карцевых обнаружился дефицит: не хватило одной родственной единицы для замещения должности кассира. Пришлось нанять постороннего гражданина — некоего М. С. Пиядина. Этот самый Пиядин встал товарищу Карцеву поперёк горла, как рыба кость: он взял себе за правило открыто критиковать своего начальника и опротестовывать одну за другой его хитроумные операции.

Василий Семёнович Карцев рвал и метал. И когда гнев его достиг предела, он разразился приказом, сочетавшим в себе глубину административной мысли и блестящий литературный стиль.

«Приказываю, — объявлял он по вверенному ему учреждению, — в связи с тем, что нехватает в РДО счётных работников и некем заменить, объявляю Пиядину М. С. строгий выговор с предупреждением, что он может (я разрешаю) снимать меня с работы, сажать в тюрьму, если на это имеется основание, и ещё предупреждаю, если мне будет повторено подобный случай, то не

взирая на то, что нехватает счётных работников привлечём к судебной ответственности за оскорбление и разложение рабочих Райдоротдела. Зав. РДО Карцев».

Но ужасный Пиядин не унимался. Он продолжал критиковать и разоблачать. Чаша терпения В. С. Карцева переполнилась. По райдоротделу был объявлен приказ № 102, коим злокозненный кассир окончательно изгонялся из стен достойного учреждения. Этот приказ, написанный с таким же темпераментом и блеском, как и предыдущий, гласил буквально следующее:

«За повторное личное оскорбление меня т. Пиядиным М. С. в присутствии вызванных мною рабочих Сахаровой, Уточкиной, Недорезовой и старшего бухгалтера Эделева, якобы я не могу руководить, текрук Катков делает правильно, а я только в своих и братьевых интересах работаю, заявляю в Прокуратуру и посажу Пиядина с работы снять и предоставить ему возможность снимать с работы и сажать меня только через Прокуратуру».

Так — радикально и эффектно — было покончено с конкретным носителем смуты и беспокойства в Стерлитамакском райдоротделе.

...Когда, закончив свои дела, я ехал обратно, нам по пути повстречалась машина с двумя пассажирами. Она тяжело переваливалась и нырляла на ухабах дороги, подведомственной знаменитому Карцеву.

— Кажись, председатель райисполкома и секретарь райкома едут, — сказал уже знакомый мне шофёр.

Я успел разглядеть, как пассажиры встречной машины со всего размаха колотились головами друг о друга и о стенки кабины. Выражение их лиц было страдальческое и покорное.

Н. СИМОНОВ

Дорогой Крокодил

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Уважаемый Крокодил!

Ещё в августе 1945 года калниболотский районный прокурор (Краснодарский край) поручил мне ознакомиться с деятельностью Солошина, председателя колхоза имени Димитрова. В результате тщательного обследования я установил, что председатель распоряжается колхозным добром, как своим. Так, в течение полугода он взял для себя из колхозной кладовой более восьмисот килограммов муки, около тысячи трёхсот яиц, сто семьдесят килограммов мяса, масла, молоко и т. д.

Вероятно, это количество забранных продуктов прокуратуре показалось мизерным, и она решила не беспокоить предколхоза. И теперь, если не будут приняты срочные меры, Солошину угрожает ожирение сердца или другая, не менее серьёзная болезнь от чрезмерного употребления мяса и жиров.

И. ПАВЛОВ

ст. Плоская,
Краснодарского края.

Уважаемый Крокодил!

В Министрстве заготовок не только знали о смерти помощника уполномоченного по кадрам в Хабаровском крае тов. Девичинского, но и разрешили произвести расходы на его похороны и выдать семье покойного пособие.

Но спустя два месяца министерство телеграфно потребовало командировать в Москву Девичинского с материальными.

Узнай, пожалуйста, в Министерстве заготовок, как они себе представляют связь с потусторонним миром и что будет покойнику, если он ослушается и не выполнит телеграфного распоряжения министерства?

Г. КУЗНЕЦОВА

г. Хабаровск.

Дорогой Крокодил!

Редкую специальность приобрёл директор Бурмонторга В. Павленко: он овладел способом, с помощью которого можно безболезненно не выполнять приказы вышестоящих организаций.

Вначале Павленко действовал довольно кустарно. Когда, например, министерство Госконтроля РСФСР предложило снять за жульнические проделки заведующего списывал.

щуюю магазином в г. Улан-Удэ Тихонову, Павленко просто положил приказ под сукно. Разумеется, такой метод несовершенно, что осознал и Павленко.

Поэтому, когда то же министерство распорядилось освободить от работы заведующую другим магазином, Юшманову, Павленко углубил свой метод. Он издал приказ, коим Юшманова действительно снимается с должности заведующей, но одновременно назначается помощником заведующего тем же магазином.

Не исключено, что органы Госконтроля потребуют снятия Юшмановой и с этой работы. Но мы за Павленко спокойны: уволив Юшманову с должности помощника, он снова назначит её заведующей магазином.

В. БАВИНОК

г. Улан-Удэ,
Бурят-Монгольская АССР.

Дорогой Крокодил!

Директору Верхне-Туринского завода сельскохозяйственного машиностроения тов. Папушеву после его доклада на съезде стахановцев был задан в письменной форме ряд вопросов производственного характера. Записки не были подписаны. По этой причине, как потом выяснилось, тов. Папушев воздержался от ответа на вопросы.

Но авторы записок героическими усилиями директора всё же были разоблачены и вызваны к тов. Папушеву, который потребовал от них, чтобы впредь они ставили свои подписи на записках.

От лица стахановцев выражаю тов. Папушеву сердечную благодарность за проделанную им гигантскую работу по выяснению наших фамилий. Лично от себя я горячо благодарю директора и за то, что он в отличие от формалистов разрешил подавать ему на собраниях записки с подписями, не засвидетельствованными в нотариальном порядке. Это значительно облегчает общение рабочих с руководителем завода.

М. ЗЮЗИН

Верхняя Тура,
Свердловской области.

ЗА ЧУЖИЕ ОШИБКИ

Рис. А. БАЖЕНОВА

— У тебя в письменной работе много ошибок.
— Это не у меня, а у Учпедгиза. Я из его книжки

Товарищ Крокодил!

Можно ли считать станцию Сортировочная районом сплошной электрификации по тем признакам, что в местной бане сквозь краны, откуда моющиеся берут воду, пропущен электрический ток?

Это нововведение в банном деле, между прочим, значительно увеличивает пропускную способность: посетители, испытав всю сладость от прикосновения с током, стараются поскорей вымыться и уступить место другим.

Говорят, администрация очень довольна и намеревается в недалёком будущем электрифицировать так же кассу, раздевалку и другие помещения.

С. ФЕДОРОВ,
А. ОНИЩЕНКО

Советская Гавань.

С ПОДЛИННЫМ СКВЕРНО ПРОГРЕСС

Объявление, напечатанное в газете «Сталинский клич» (г. Кузнецк, Пензенской области):

В связи с изменением профиля работы, артель «Извозчик» получает новое название — «Прогресс».

ОТДЕЛ САМООБЕСПЕЧЕНИЯ

Муравлянский исполком райсовета (Рязанская область) создал новый отдел. Ему, видимо, суждено в богатое будущее. Для начала исполком выдал такую доверенность, скреплённую двумя печатями:

Доверенность

Выдана зав. отделом самообеспечения тов. К. в том, что исполком Муравлянского райсовета депутатов трудящихся доверяет получить ему писчей бумаги из обл. исполкома для Муравлянского райисполкома в количестве 10 кило.

Председатель исполкома райсовета депутатов трудящихся
Канавин
Секретарь исполкома райсовета депутатов трудящихся
Тихонов

КРОКОДИЛ ПОМОГ

В № 32 Крокодила за прошлый год был напечатан фельетон «Подсобное хозяйство» о расхищении государственных средств в Вийской конторе Скотоимпорт. Фельетон полностью подтвердился. Больше того: фельетон помог вскрыть и другие преступления управляющего конторой Касимцева и его помощников.

За расхищение социалистической собственности, за использование своего служебного положения в корыстных целях Касимцев исключён из партии. Исключён также из партии старший ветврач конторы Ришес. Заречный райком ВКП(б) дошёл до сведения министра мясной и молочной промышленности о недостойном поведении представителей Всесоюзной конторы Скотоимпорт гг. Шишкина, Тихомирова и Власова, которые проверяли на месте Вийскую контору и «не обнаружили там никаких безобразий».

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор), С. ШВЕЦОВ
Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедн. с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 р. 20 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда».

Москва. Изд. № 193. Подп. к печати 18/III 1947 г. Зак. № 728. Статформат 72x105 см. Печ. л. 1½.

Кол. экз. в 1 печ. л. 78 000.

А — 01435.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Тираж 150 000 экз.

Рис. В. ГОРЯЕВА

— Покажите нам самовар, но только, пожалуйста, заграничный.